

Олег Михайлов

ТЕЛЕГРАММА

Памяти Марии Лейко и труппы театра «Скатувэ»

В пьесе использованы фрагменты из произведений Аркадия Гайдара, Уильяма Сарояна и Рудольфа Блауманиса, дневников Евгения Шварца, стихов Марка Лисянского и Евгения Евтушенко.

Действующие лица

Девушка.

Женщина.

Мужчина.

На сцене ДЕВУШКА. Она сидит на табурете, в руках у нее кукла. Никаких других декораций или предметов на сцене нет. Все, что может понадобиться актерам, они должны приносить на сцену с собой.

В моменты, когда ДЕВУШКА «превращается» в ДЕВОЧКУ, актриса не должна изображать ребенка. Лучше, если это перевоплощение будет очень условным.

ДЕВУШКА. Эта сказка про меня и моего брата. (*Показывает Куклу.*) Его зовут Гек. Или Гейка. Или Евгеша. Или как-то еще. Каждый раз по-разному. Но главное, что вы должны о нем знать — это его страсть к чтению. Правда читал он всегда одну-единственную книгу. Она называется «Как построить дом из местных материалов». Он очень хотел построить дом. Поэтому его карманы всегда были полны, как мусорный ящик. Мама каждый раз сильно ругалась, выгребая из них местные материалы, которые ему удалось собрать — резиновые пробки, гвозди, кусочки скрученной бечевки, щепки и другой сор.

А еще эта сказка про нашу маму. Ее я знаю дольше всех на свете. Мы познакомилась с ней еще до моего рождения, но подружились только после того как я родилась. С тех пор мы не переставали дружить, но не проходило дня, чтобы мы с ней хоть раз серьезно не поссорились. Правда, потом мы всегда мирились. И всегда были вместе, если не считать, когда что-нибудь только для взрослых; тогда мама уходила, а мы с братом оставались. Вот как сейчас, когда пришло письмо от папы.

На сцене появляется МУЖЧИНА. Протягивает ДЕВУШКЕ письмо.

Отец хороший. Когда-то он воевал с белыми, был ранен, бежал из плена, потом по должности командира саперной роты ушел в запас... Это я знаю со слов мамы. Сама же я помню об отце, что он носил высокие сапоги, серую рубашку, он сам колол дрова, ел за обедом гречневую кашу и даже зимой распахивал окно, когда мимо нашего дома с песнями проходила Красная Армия...

Наверное, сказка про нашу семью могла бы начинаться с какой-нибудь песни.

Звучит бодрая советская песня 1930-х годов.

МУЖЧИНА и ДЕВУШКА слушают. Затем МУЖЧИНА жестом прерывает музыку.

А мне понравилось. Должна же сказка как-нибудь начинаться.

МУЖЧИНА достает пожелтевший от времени номер газеты «Пионерская правда».

МУЖЧИНА (*читает.*) «Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск. Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости. Ребятишек у него было двое. А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете. Днем и ночью сверкали над башнями этого города красные звезды. И, конечно, этот город назывался Москва».

ДЕВУШКА. Очень красиво. Да. Наверное, именно так все могло бы и начинаться. Но все было совсем не так. (*Кукле.*) Правда, Леша? (*Кивает головой Куклы.*) Вот и я говорю.

ДЕВУШКА превращается в ДЕВОЧКУ.

ДЕВОЧКА. Дяденька, а вы разве почтальон?

ПОЧТАЛЬОН. Конечно, почтальон. Очень даже почтальон! (*Убирает газету.*)

ДЕВОЧКА. Нашего почтальона зовут дядя Сергей. И он всегда в форме и синей фуражке ходит. С большущей такой сумкой. И газет нам он не читает. Он их только разносит. И письма тоже. Спросишь его: «Дядя Сергей! Нам нету от папы?» А он отвечает: «Нету, деточка, нету сегодня!.. Завтра, должно быть, будет». Но это «завтра» ой как редко бывает! Раз в месяц, а то и реже.

ПОЧТАЛЬОН. А я не простой почтальон. Простые-то почтальоны носят письма всем, кому прикажут, а я сам выбираю, чье послание мне доставлять. Отец ваш меня попросил: доставь, говорит, Иван Иванович, это письмо моим прекрасным детям. Очень он мне хорошо вас с братом описал. И фамилия ваша — Серегины. Все верно? Ошибки нет?

ДЕВОЧКА. А что еще сказал папа?

ПОЧТАЛЬОН. А еще ваш папа сказал: «Отдай, дорогой Иван Иванович, это письмо им лично в руки, но... только при одном условии. Если мои дети перед этим дрались или ссорились, то письмо им не отдавай, а вручи их матери». Вы же не дрались перед моим приходом? Что молчите, насупившись? Неужто здесь был бой?

ДЕВОЧКА. Нет, дяденька Иван Иванович, бой — это когда: трах-та-бабах! Держи знамя! Бросай бомбы! Отобьемся!..

ПОЧТАЛЬОН. А вы, значит, просто поссорились?

ДЕВОЧКА. Нет, не поссорились. Мы и правда подрались.

ПОЧТАЛЬОН. Как же такое получилось?

ДЕВОЧКА. А очень даже просто. Он берет, а я не даю. Он говорит: дай! А я — не дам. Он меня — раз. А я его — раз, раз тоже. А тут звонок в дверь — и вы пришли. Только мы уже опять помирились. (*Кукле.*) Правда, Кешка? (*Кукла «кивает».*) Мы не врем. Мама за вранье ух как сердится!

Входит ЖЕНЩИНА. На вид ей чуть больше тридцати лет. Она одета в модную (для 1930-годов) шубку. Это МАТЬ. Увидев ПОЧТАЛЬОНА, она останавливается.

МАТЬ. Вы кто?.. Вы?... Что-то с Алексеем?

ДЕВОЧКА. Папа письмо прислал!

МАТЬ. Так вы от мужа? Я как пальто чужое в прихожей увидела...

ПОЧТАЛЬОН. Жив, здоров, низко кланяется. Вот — пакет просил передать. Не хотел он по почте... Почта ныне ненадежная.

ДЕВОЧКА подбегает к МАТЕРИ, протягивает ей конверт.

ДЕВОЧКА. Толстое... наверное, с фотографиями!

ПОЧТАЛЬОН. Вы простите меня, что вот так — без приглашения — к вам ввалился. Не хотел на лестнице дожидаться — мало ли что. Пришлось вот почтальоном назваться.

Славные у вас ребятишки.

МАТЬ. Ох, совсем я голову потеряла... Вы устали с дороги... Давайте я вас чаем напою.

ПОЧТАЛЬОН. Спасибо, хозяйка, но засиживаться некогда. Мне ведь нельзя... в столицах-то. Так что я на один день — только письмо передать. А потом сразу к своим, в деревню.

Пять лет не виделись. Дочка вот как ваша, совсем взрослая стала...

МАТЬ. Может, рюмочку? На дорожку.

ПОЧТАЛЬОН. А! Была не была!

МАТЬ. Ну-ка, товарищи дети, идите пока, поиграйте. Потом письмо от отца почитаем.

ДЕВОЧКА нехотя уходит, унося с собой Куклу. МАТЬ достает из кармана шубки небольшую фляжку, протягивает ПОЧТАЛЬОНУ.

МАТЬ. Да вы садитесь, садитесь. Рассказывайте.

ПОЧТАЛЬОН садится на табурет, МАТЬ, сбросив шубку на пол, усаживается на нее. Открыв фляжку, ПОЧТАЛЬОН медленно пьет, вздыхает, качает головой.

ПОЧТАЛЬОН. Жисть никуда пошла... Из дома писали, что хозяйство прахом идет. А чем помочь было можно? Сами голодали месяцами. Такая тоска брала, что думаешь — хоть бы один конец. Замотались люди в доску. Бывало, иногда закипит душа, как ржавая вода в котелке. Эх, думаешь, была бы сила, плюнул бы... и повернул обратно. Мы с Алексеем много про это говорили. Ночи длинные... Только вся и утеха после трудов тяжких, что песни да разговоры. Иной раз плакать бы впору или удавить кого, а ты сядешь и запоешь. Плакать — слез нету. Злость сорвать на ком следует — руки коротки. Эх, говоришь, ребята, друзья хорошие, товарищи милые, давайте хоть песню споем!

МАТЬ. Как же он там?

ПОЧТАЛЬОН. Сложно... Страшно много, оказывается, надо голому человеку в Сибирях! Все приходится покупать, от дисульфана, когда брюхо болит, до чернильного порошка, от соли до гребенки, от бумаги до шапки. Но самое опасное для нашего брата — уныние и отчаяние. Некоторые не выдерживают, вконец опускаются... Те, которые семейные — им легче. Так что если муж звать к себе будет — поезжайте. Или еще куда. Но здесь вам не надо оставаться. Гиблый город — пропадете. Теперь, говорят, членов семей тоже...

МАТЬ. Да, я слыхала. Но куда я с детьми поеду?

ПОЧТАЛЬОН. Да хоть в деревню, к родственникам каким, лишь бы подальше отсюда. Вы сами-то из каких краев будете?

МАТЬ. Я — латышка. Но родных там у меня не осталось.

ПОЧТАЛЬОН. В газетах-то пишут, что за бывших латышских стрелков взяли. Недавно кого-то из наркомата лесной промышленности взяли. Не читали?

МАТЬ. Заместителя наркома. Хороший человек. Я его знала. Мы дружили.

ПОЧТАЛЬОН. Это плохо, это очень плохо. Сужается колечко-то. Ох, сужается. *(Встает.)*
Ну да прощайте же. Храни вас бог.

ПОЧТАЛЬОН уходит. Возвращается ДЕВОЧКА с Куклой. Садится рядом с МАТЕРЬЮ.

ДЕВОЧКА. Mam, a почему почта не надежная?

МАТЬ. Не знаю. *(Открывает письмо.)*

ДЕВОЧКА *(разочарованно)*. Почему папа никогда фотография не присылает? *(Кукле.)* Да не толкайся ты, а то сама тебя так толкну — на Луну улетишь. Mam, a почему...

МАТЬ. Сидите спокойно, а то мигом разведу вас по комнатам, будете знать!

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. Письма от отца мы получали редко. Отец писал мало и все одно и то же: "Жив, здоров, сидим в тайге, и работе нашей, кажется, конца-краю не предвидится". Меня разочаровывали его письма. Что это такое на самом деле? Человек из тайги не может написать ничего интересного!

МАТЬ перелистывает письмо.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. *«Итак, год прошел. Но, в общем, ничего особенного не случилось, жизнь идет своим чередом, и в конце концов видно, что не такое непоправимое у меня горе. Относятся ко мне очень хорошо, но некому обо мне позаботиться, а сам я не умею. Оттого и выходит все как-то не по-людски и бестолково».*

ДЕВУШКА. Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мама читала, мы с Вовкой внимательно следили за ее лицом...

МУЖСКОЙ ГОЛОС. *«Одна беда: тревожит меня мысль — зачем я так изоврался. Казалось, нет никаких причин, оправдывающих это постоянное и мучительное вранье, с которым я разговариваю с людьми... образовалась привычка врать от начала до конца, и борьба с этой привычкой у меня идет упорная и тяжелая, но победить я ее не могу...»*

ДЕВУШКА. Вот! Видите? Мама нахмурилась. Поэтому мы с Генкой нахмурились тоже.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. *«Иногда хожу совсем близко от правды, иногда — вот-вот — и веселая, простая, она готова сорваться с языка, но как будто какой-то голос резко предостерегает меня — берегись! Не говори! А то пропадешь! И сразу незаметно свернешь, закружишь, рассыплешься, и долго потом рябит у самого в глазах — эх, мол, куда ты, подлец, заехал!..»*

МАТЬ шевелит губами, дочитывая письмо, улыбается.

ДЕВУШКА тоже улыбается.

МАТЬ откладывает письмо.

Молчание.

МАТЬ. Отец не приедет. У него еще много работы, и его в Москву не отпускают.

ДЕВОЧКА отшвыривает Куклу, вскакивает.

МАТЬ. Он не приедет, но он зовет нас всех к себе.

ДЕВОЧКА танцует победный танец.

МАТЬ. Он чудак человек... Будто бы это сел на трамвай и поехал...

ДЕВОЧКА. Да, да! Раз он зовет, так мы сядем и поедем.

МАТЬ. Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в санях лошаадьми через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя...

ДЕВОЧКА. Гей-гей! Мы не боимся! Мы ужасно храбрые! *(Показывает на Куклу.)* Санька даже прогнал со двора чужую собаку. Ка-а-к бросил в нее камень! Она и убежала, поджав хвост!

Внезапно раздается звонок. МАТЬ хватается ДЕВОЧКУ за руку.

МАТЬ. Не открывай!

ДЕВОЧКА. Mam, ты чего? Это телефон.

МАТЬ. Я сама.

МАТЬ уходит.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. В отсутствии отца тревога — неясная, непонятная — прочно поселилась в нашей квартире. То она возникала вместе с неожиданным телефонным звонком, то стучалась в дверь по ночам под видом почтальона, то пряталась в уголках глаз вернувшейся с работы мамы. И я эту тревогу видела и чувствовала, но мама говорила, что ничего нет, что она просто устала. А вот придет весна и мы все вместе поедем отдыхать...

Возвращается МАТЬ, неся в руках неумолкающий телефон и подушку. Она ставит телефон на пол, подушку кладет сверху.

МАТЬ. Не будем отвечать. Притворимся, что нас нет дома.

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. А как притворимся?

МАТЬ. Как в театре.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. Мама — актриса. Вот почему мы живем в Москве. Потому что настоящий театр — только в Москве. Так мама всегда говорит. Маме тридцать три года, но она сердится, когда я ей об этом говорю.

МАТЬ. Мне двадцать два, и ты это знаешь.

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. Если тебе двадцать два, то значит, я еще не родилась, потому что когда я родилась, тебе было двадцать четыре. Ты сама это говорила.

МАТЬ. А я тебя обманула. Просто мне не хотелось говорить тебе, что ты у меня появилась в тринадцать лет — вот и все.

ДЕВОЧКА. Ну и выдумщица ты!

МАТЬ. А похожа я на женщину, которой тридцать три года? Ты ведь их много видела.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. В то время я знала не очень много женщин. Другие актрисы не в счет, их я видела только на сцене или в кино. Близко же мне доводилось общаться только с тетей Зиной, которая торговала мороженым рядом с нашим домом, с бабой Шурой — соседкой снизу — которая иногда присматривала за нами, когда мама задерживалась из театра. И еще с Катей.

Пауза.

Катя... Через несколько дней после получения отцовского письма, мама позвонила Кате и пригласила ее к нам. Погодите! Я же ничего не рассказала вам про Катю. Слушайте. Её

отец, инженер, был старым другом отца. Когда нашего папу арестовали... Вы ведь уже догадались, что его арестовали, что он уехал от нас не просто так?.. Так вот, когда отца арестовали, Катин отец сначала не хотел этому верить. Звонил нам по телефону и обнадеживал, что все это, наверное, ошибка. Когда же выяснилось, что никакой ошибки нет, он помрачнел, снял, говорят, со своего стола фотографию, где, опираясь на эфесы сабель, стояли они с отцом возле развалин какого-то польского замка, и что-то перестал к нам звонить и ходить с Катей в гости...

МАТЬ. Здравствуй, Катя!

ДЕВУШКА достает красную косынку, повязывает ее по моде комсомолок 30-х годов, превращается в КАТЮ.

КАТЯ. Ой, а вы второй замок к двери приделали? У нас-то вот тоже: во всем доме с утра до вечера только и слышно: щелк... щелк! Замок, звонок, опять замок. Двери запирают, отлучаясь даже на минуту к парадному, к газетным ящикам... Крючки, цепочки... К чему? Зачем?

МАТЬ. Ты проходи, Катя, садись.

КАТЯ. Хорошо, что вы позвонили, когда отца дома не было. Я ему сказала, что у подруги сегодня заночую. Случилось что?!

МАТЬ. Алексей письмо прислал.

КАТЯ. Ой, рассказать забыла! Осенью на дачу к отцу товарищ приехал. Так когда стал он рассказывать про то, что в тюрьмах делается, меня мать на улицу отослала. Тоже умная! А я взяла да потихоньку села в саду под окошком и все до слова слышала. Только не верю я, что такое в советской тюрьме может быть! Враки это!

МАТЬ. Тише, Катя! Дети спят. Алексей не в тюрьме. И не в лагере даже. Он теперь в тайге. Начальник геологов-разведчиков... К себе зовет.

КАТЯ. Прямо туда зовет? В тайгу?

МАТЬ. Там тоже люди живут. До весны мы с ним побудем, а потом в город переедем. Устроимся, как-нибудь. Все лучше чем здесь, в страхе жить. Во дворе со мной никто не здоровается. Боятся. А я и сама боюсь. Верить ли, с тех самых пор спать ложусь в одежде, чтобы при них не одеваться, если за мной придут...

КАТЯ. Ну как это придут? Зачем придут? Вы же ни в чем не виноваты! Сейчас тридцать седьмой год, а не какое-нибудь царское время! Вот и товарищ Тильба на съезде комбайнеров сказал: «Хоть я и сын кулака, но я буду честно бороться за дело рабочих и крестьян!» А товарищ Сталин ему: «Сын за отца не отвечает». Я сама читала! В «Правде»! А там врать не станут! Если сын за отца не отвечает, то почему жена должна страдать, что у нее такой муж... Ой, простите! Я хотела сказать, что всякий может оступиться. И правильно, что вы едете к мужу. Так он скорее исправится. Испупит свою вину перед народом. А вы ни в чем не виноваты — так и знайте!

МАТЬ. Я это знаю, Катя...

КАТЯ. Когда я буду совсем взрослая, как вы, я тоже что-нибудь такое сделаю.

МАТЬ. Какое? О чем ты?

КАТЯ. Не знаю! Может быть, куда-нибудь полечу. Или, может быть, будет война...

МАТЬ. Какая ты, Катя, еще в сущности ребенок. Я попросить тебя хотела... А теперь уж сомневаться стала...

КАТЯ. Обидные вы слова говорите! Я к вам со всей душой!..

МАТЬ. Прости, пожалуйста! Не могла бы ты за квартирой приглядеть, пока нас не будет?

КАТЯ. Ой!.. Вот это не просите. Не могу. Непредвиденно! Я ведь заочно на курсы летчиков готовлюсь... Летом собираюсь поступать... Сажу долблю. Элероны, лонжероны, вибрация, деривация... Самолет — не трамвай. Чуть не дотянул — и пошел в штопор, чуть перетянул — еще что-нибудь похуже. И потом... Если отец чужие ключи у меня увидит!.. Ой, что будет! А вы — вы вот что! Вы на второй замок не очень-то надейтесь. Лучше сложите все ценное в ванну да забросайте сверху хламом. И лампочку, как уезжать будете, обязательно выкрутите. Придут к вам воры — и не найдут ничего! И я... я тоже...
МАТЬ. Что?

КАТЯ. Пойду я, пора...

МАТЬ. Куда ты, полоумная?! Ночь на дворе!

КАТЯ. Это ничего! Ничего! Дома скажу, что с подружкой поссорилась. Вы простите, простите меня... Прощайте!

МАТЬ. Прощай, Катюша!

КАТЯ снимает косынку, становится ДЕВУШКОЙ.

ДЕВУШКА. Бьют барабаны марш-поход. Каждому теперь своя дорога, свой позор и своя слава. Топот смолк, и в поле пусто...

ДЕВУШКА уходит.

МАТЬ снимает подушку, берет телефон и набирает номер.

МАТЬ (*в трубку*). Прости что так поздно. Не разбудила? Да я сама не сплю, не могу... Это ты звонила?.. Да, не снимала трубку, мало ли... Завтра все в силе? Хорошо... Да. Я тоже боюсь. Но у нас нет другого выхода. Ты у меня уже спрашивала, я не знаю никаких молитв! Если б знала, сама бы давно молилась. Все, давай, до завтра в театре. (*Кладет трубку.*)

Уходит, унося телефон с собой.

Возвращается ДЕВОЧКА, неся в руках Куклу. На ДЕВОЧКЕ криво застегнутая шубка, которую она отряхивает от снега.

ДЕВОЧКА (*Кукле*). Да не хныкай ты, пожалуйста. Такой здоровый и толстый, а хныкает. Почему я никогда не хныкаю? (*Прислушивается к том, что «говорит» Кукла.*) Ничего я тогда не заревела. Не выдумывай. Ревут — это когда слезы катятся, а я просто заорала, потому что испугалась, да и больно. Поорала три секунды и перестала. А вовсе несколько не ревела и не хныкала. И вообще, нашел что вспоминать. Лучше отвечай, как мы скажем маме, что потеряли телеграмму? Молчишь? Ну, молчи...

Пауза.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. Помните ли вы, что такое телеграмма? Это я на всякий случай спрашиваю, вдруг вы случайно забыли. Не забыли? (*Декламирует.*) «По проволоке дама идет, как телеграмма!». Это Маршак. Для детей. А вот взрослые стихи.

Письма чаще приносят в наш дом по утрам,

Нам вручают и ночью и днём телеграммы.

Я боюсь телеграмм,

Я боюсь телеграмм,

Потому что на свете есть папы и мамы...

Телеграмма, разумеется, была для мамы. А мы с Гришкой ее потеряли. Вот вы сейчас скажете: «Как можно потерять важную телеграмму?» Да очень просто. Можно подумать, вы никогда ничего не теряли. Теряли ведь...

Я беру телеграмму — иначе нельзя,

Подвергаюсь немедля смертельному риску.

Нет, она запечатана вовсе не зря,

И недаром её отдают под расписку.

(Пауза.) Она улетела. В окно. Точнее — в форточку. А если совсем честно, то это Павлик ее туда бросил. *(Кукле.)* Да-да, и не отпирайся. И не ломала я твое копые. И не копые это было, а просто палка с гвоздем. А если и сломала, то это не значит, что надо мою коробочку из-под леденцов выкидывать в окно. Вот в коробочке телеграмма и лежала. Это я ее туда положила. Чтобы не потерять. *(Снимает шубку.)* То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул прохожий, но телеграмма пропала навеки. Мы с Колькой договорились, что если мама спросит нас, где телеграмма, — мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед выскакивать? Мы не выскочки. Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело. И мы стали ждать маму. Обычно она возвращается из театра с цветами...

Входит в мать, в руках у нее горшок с фикусом. Ставит горшок на пол.

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. Mam, все в порядке?

МАТЬ. Конечно. Все хорошо. А у вас? Почему глаза заплаканы? Отвечайте, из-за чего опять была драка?

ДЕВОЧКА. Драки не было.

МАТЬ. Точно?

ДЕВОЧКА. Мы только хотели подраться, да сразу раздумали. *(Кукле.)* Правда, Виталик? *(Кукла «кивает».)*

МАТЬ. Очень я люблю такое раздумье. А я сейчас бабу Шуру встретила. Она мне цветок подарила. Мне, говорит, ни к чему, а вам, может, и согдится. От чистого, говорит, сердца. Я уж не стала ей говорить, что и нам он без надобности. Мы ведь сегодня уезжаем.

ДЕВОЧКА. Как сегодня?

МАТЬ. А вот так. *(Достает из кармана билеты.)* Вот билеты. А все наши вещи я еще вчера уложила.

ДЕВОЧКА. Ура-а-а-а! Мы едем к папе!

МАТЬ уходит.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. А про телеграмму мама ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

МАТЬ возвращается, неся в руках два больших фанерных чемодана, обтянутых парусиной. Немного подумав, в один из них она кладет подаренный фикус.

МАТЬ. Идите, присядем на дорожку. *(Садится на чемодан.)*

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. Зачем?

МАТЬ. Чтобы дорога была легкая. *(Пауза.)* Чтобы вернуться...

ДЕВОЧКА подходит, садится рядом с МАТЕРЬЮ на второй чемодан.

Они долго сидят на чемоданах, пока не раздастся сигнал к отправлению поезда. И тогда чемоданы превращаются в полки купе, а табурет в столик.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. До этого я ездила на поезде всего один раз — мама брала нас с собой на летние гастроли театра. И я думала, что поезд — это когда собираются много-много друзей и знакомых и все вместе куда-то едут. Шутят, смеются, поют песни, а на стоянках покупают кефир и клубнику. И все друг друга знают. И я тоже всех знаю. Но в этот раз мы ехали с совершенно незнакомыми людьми.

ДЕВУШКА надевает платок и становится ПОПУТЧИЦЕЙ. Выходит МУЖЧИНА, одетый в форму НКВД, садится рядом с МАТЕРЬЮ, раскрывает газету «Правда».

ПОПУТЧИЦА. Э, милая! Бывает дурак маленький, бывает и большой. Моему Ваське шестнадцатый. Раньше в таку пору женили, а он достал железу, набил серой, хлопнул — да вот три недели в больнице отлежал. Хорошо еще, только лицо ковырнуло, а глаза не вышибло. Да что я тебе говорю: твой, чай, тоже озорует. *(Показывает на Куклу.)*

МАТЬ. Ну что вы! Мой для таких забав еще маленький.

ПОПУТЧИЦА. Ну дак подрастет скоро. Быстро они растут, быстро... Я ведь, дорогая, второго сына в Красную Армию служить проводила. И как пошел, вина не пил. "Прощай, — говорит, — мама". И пошел и засвистел, милый. Сейчас вот письмо прислал. Я и поехала к нему за тыщи верст. Воинская часть 14 дробь 19. Вот так вот. А ведь еще недавно сопливый и без штанов в малиннике бегал.

ПОПУТЧИК *(внезапно)*. Ах, астра осенняя, цветок безумный!

ПОПУТЧИК откладывает газету, достает из нагрудного кармана блокнотик и карандаш, что-то записывает.

ПОПУТЧИЦА. Чего это? Чего это вы о цветах вдруг вспомнили, товарищ?

ПОПУТЧИК прячет блокнот и карандаш обратно в карман. Улыбается.

ПОПУТЧИК. Да так, внезапное вдохновение. Стихи люблю. Ах, Москва-Москва, как много в этом слове для сердца русского слилось... *(Матери.)* Вот вы, гражданочка, не артистка, часом? Уж больно лицо ваше мне знакомо.

МАТЬ. Нет, не довелось.

ПОПУТЧИК. А я, знаете ли, страсть как люблю театры. Вот и в столице нашей родины, куда вызвали меня для вручения очередной награды, поставил себе целью побывать в храме, так сказать, культуры.

МАТЬ. Так уж и в храме? Странно слышать такие слова от офицера НКВД.

ПОПУТЧИК. Ну я же фигурально!

МАТЬ. Я понимаю. Просто шучу.

ПОПУТЧИК. В Художественный театр билетов не достать, даже с моими связями, поэтому пришлось идти... в этот... как его?... название не выговоришь.

МАТЬ. Неужели в малохудожественный?

ПОПУТЧИК. О! Это история! Вы не поверите! Вроде, театр как театр. Но! Смотрю на сцену — ни черта не понимаю. Там вроде как горничная полюбила конюха, который служит у какого-то барона. Конюх этот выпивоха такой, развращенный своим хозяином, а

она вся такая правильная. И не хочет быть с ним, пока он не изменится. А ее мать — прачка — хочет выдать ее замуж на жениха побогаче.

МАТЬ. Что ж тут непонятного. Вполне типичная история из дореволюционных нравов.

ПОПУТЧИК. Да я не про то! Вот представьте: на сцене одни женщины, а мужиков нет. Но они вроде как есть. Женщины с ними разговаривают, спорят о чем-то. Ужас! Потом уже в антракте, мой приятель из местных органов объяснил, что у них в театре всех мужчин арестовали. Всех до одного. Представляете? Вот бабоньки и выкручивались, отдувались за мужиков, как могли. *(Громко смеется.)* В самое, можно сказать, гнездо «латышской националистической фашистской организации» завела меня любовь к театру.

Досматривать пьесу конечно не стал, хотя очень мне любопытно, чем у них там дело кончилось. У горничной этой с конюхом.

МАТЬ. Наверное, плохо.

ПОПУТЧИК. Почему это?

МАТЬ. А как еще могла такая история закончиться до революции. Только трагедией.

ПОПУТЧИК. Это да, это вы в самую точку. Тяжко жилось простому народу под гнетом царских кровопийц и эксплуататоров. И такие разоблачительные пьесы нам очень нужны. У нас, знаете ли, в лагере такая замечательная самодеятельность, актеры — как на подбор! Даже народные попадают. Народные враги народа! *(Громко смеется.)* Как вот только пьеска эта называлась — запаматовал. А то я бы у себя поставил.

ПОПУТЧИЦА встает, делает несколько шагов вперед, громко объявляет.

ПОПУТЧИЦА. Рудольф Блауманис. «В огне». Драма в пяти действиях.

ПОПУТЧИЦА подходит к ПОПУТЧИКУ.

ПОПУТЧИЦА. Можно вашу гимнастерочку? Она нам нужна для реквизита.

ПОПУТЧИК *(снимая гимнастерку.)* Будьте любезны.

ПОПУТЧИЦА идет в сторону, извлекая по дороге из кармана гимнастерки блокнот ПОПУТЧИКА.

ПОПУТЧИЦА. Действие второе, явление пятнадцатое. *(Показывает на Мать.)* Кристина.

МАТЬ *(показывает на Попутчицу.)* Прачка.

«Кристина» и «Прачка» расходятся, замирают. Следующую сцену они играют, совершенно игнорируя присутствие МУЖЧИНЫ.

ПРАЧКА. На обеих манжетах нет пуговиц. Пришей! *(Отдает Кристине гимнастерку.)*

Вискрелис тоже что-то сюда зачистил...

КРИСТИНА. Не беспокойся, мама, он уже больше не явится. Я ему сказала, что хочу, чтобы у моего будущего мужа была не только широкая спина, но и крепкий позвоночник.

ПРАЧКА. То-то же, гони этих подлиз с их угодливыми спинами... Все они на один лад. Ах ты, батюшки, а где утюг-то? *(Уходит.)*

Кристина шьет. После небольшой паузы вздрагивает, как если бы на сцене появился кто-то еще. Но никого нет. Кристина говорит с воображаемым партнером.

КРИСТИНА. Одна, как видишь. *(Пауза.)* Нет, я не говорила матери, чтобы она тебя прогнала. Но раз она так сказала, пусть так и будет. *(Пауза.)* Я вовсе не хочу тебя наказывать. И мне дела нет до твоих грехов. Сердилась. Целую неделю сердилась на тебя, теперь нет. *(Перебивает невидимого собеседника.)* Вчера?.. Я вчера ездила в «Кесбери» к Акментыню. Вот и все. *(Пауза.)* Эдгар, наша дружба кончена. Я говорила тебе об этом в сердцах, теперь я спокойна и повторяю тоже самое. Я делала все, чтобы ты взял себя в руки, я бранила тебя, просила — все напрасно. Ни одного моего словечка ты не послушал... Чего я добилась? Позора... *(Продолжает нервно работать.)* Поженится, говоришь? Любим друг друга? Чуть вчера в Даугаву не бросился, когда с Акментынем уехала? *(Пауза.)* Нет, Эдгар, я не пойду за тебя. *(Внезапно Кристина бросает работу, вскакивает. Швыряет гимнастерку на колени ПОПУТЧИКУ.)* А я и не шучу! Будет так, как я сказала — я не пойду за тебя. *(Пауза.)* Не буду я тебе ничего обещать. Это ты сам себя мучаешь, не я тебя. *(Пауза.)* Люблю ли я тебя? Что кривить душой! Если бы ты мне не нравился, не стала бы я столько терпеть... Но я дала матери слово, что не выйду за тебя, и слово свое сдержу. *(Пауза.)* Я так решила, потому что мы бы с тобой не были счастливы. Другим ты стать не можешь, а жить с таким, какой ты есть, с таким... Я бы этого не вынесла. *(Пауза.)* Бросишь все? Ничего не выйдет. Ты слишком привык к такой жизни. *(Пауза.)* Нет, нет. Довольно. Нам больше не о чем говорить. *(Пытается освободиться от объятий невидимых рук.)* Оставь меня. Не тронь! Я не хочу! *(Вырывается.)* Эдгар,пусти! Эдгар! Дьявол!

Кристина размахивается, чтобы ударить невидимого нам Эдгара, но вместо этого бьет по лицу ПОПУТЧИКА. Тот вздрагивает, трет щеку. Перед нами снова купе поезда.

ПОПУТЧИК *(тихо)*. Лицо горит, вспоминает кто-то. *(МАТЕРИ.)* А не доводилось ли вам сидеть в центральной харьковской тюрьме?

МАТЬ. Это что, шутка? *(Встает.)*

ПОПУТЧИК. Да нет же! Лицо, говорю, ваше знакомо, а где видел — не могу вспомнить.

МАТЬ. Ничем не могу помочь. Встаньте, пожалуйста, мне надо взять чемодан. Сейчас наша станция.

ПОПУТЧИК. Вы не можете сейчас сойти. *(Не дает ей взять чемодан, на котором сидит.)*

МАТЬ. Вы в своем уме?! Отдайте чемодан!

ПОПУТЧИК. Мне нужен свидетель. Наша попутчица выбалтывала военные секреты.

МАТЬ. Какие еще секреты? Она к сыну едет!

ПОПУТЧИК. Вот именно! Едет. И называет случайным попутчикам номер его воинской части. А это секретная информация. Находишь в этом купе шпион...

МАТЬ. Какой шпион? Где? Вы шпион?

ПОПУТЧИК. Почему сразу я? Может, это как раз вы?

МАТЬ. Перестаньте говорить глупости! У меня двое детей, я к мужу еду!

ПОПУТЧИК. Вот мы сейчас пойдем к начальнику поезда и все выясним.

МАТЬ. Послушайте, я не собираюсь ничего выяснять. И проезжать свою станцию тоже не собираюсь. Я не слышала, чтобы наша соседка говорила о каких-то военных секретах. Это все ваши выдумки.

ПОПУТЧИК. Вот как?! Покрываете ее? Может, вы с ней заодно?

МАТЬ. Да вам лечиться надо, дорогой товарищ! У вас галлюцинации.

ПОПУТЧИК. Ах, астра осенняя, цветок безумный! Номерок части, где служит ее сынок, я записал. Так что никаких галлюцинаций у меня нет. *(Проверяет карман гимнастерки.)*

Постойте! А где?.. Где блокнот? Он же... Он в кармане был! Я точно помню! (*Ищет под чемоданами.*)

МАТЬ. Пить надо меньше. (*Берет чемоданы.*) Дайте пройти!

ПОПУТЧИК. Я непьющий! Меня... Меня обокрали! Стойте здесь! Я сейчас приведу начальника поезда! (*Уходит.*)

Появляется ДЕВОЧКА с Куклой в руках. МАТЬ бросает чемоданы, прижимает ДЕВОЧКУ к себе.

МАТЬ. Господи, где вы были? Я чуть с ума не сошла!

ДЕВОЧКА. На гастроях! Мы с Гошкой все вагоны обошли!

МАТЬ (*улыбается*). Ну и как вас принимали?

ДЕВОЧКА. Принимали? Очень хорошо! Какао. Бутерброд с медом. Бутерброд с колбасой. Очень хорошо принимали! Сережке тоже много всего надарили для постройки дома из местных материалов. Но меня принимали лучше. Я и не знала, что так хорошо бывает знакомиться с незнакомыми людьми!

Слышен звук поезда, набирающего ход. МАТЬ и ДЕВОЧКА провожают взглядами уходящий состав. Над их головами зажигается уличный фонарь.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. Мы стояли и стояли... Деревянная платформа давно опустела, а отец встречать нас так и не вышел. До того места, где он жил, оставалось ехать еще километров сто тайгою.

МАТЬ. Вот что, покарауйте пока чемоданы, а я схожу к ямщикам. Не может быть, чтобы нас никто не встречал. (*Уходит.*)

ДЕВУШКА. Пока мама ушла выяснять, какие сани прислал за нами отец, я расскажу вам, как этим летом мы ходили обедать в Фабрику-кухню. Ее построили в Москве на Ленинградском шоссе как раз в тот год, когда я родилась. Фабрика-кухня — это такой огромный дом, куда приходят те, кто не умеет готовить или у него нет на это времени. Как, например, у нашей мамы. И таких, как она, оказалось очень много. Когда мы поднялись на второй этаж и зашли в главный зал, я испугалась. Мне показалось, что бесконечные ряды столов скрываются где-то за горизонтом. А уж народу здесь было! Все столы были накрыты на восемь человек. И на каждом стояла огромная кастрюля с супом. Женщины в белых халатах таскали и таскали целые башни тарелок со вторым. И все вокруг ели и ели. Это был Дворец еды! Мы с трудом нашли свободные места и тоже стали есть. Мама сказала, что все блюда на фабрике-кухне готовят большие электрические механизмы. Я хоть и не люблю суп, но сразу же захотела попробовать суп, приготовленный таким механизмом. Правда на вкус он ничем не отличался от того, что готовили в Диетической столовой рядом с маминым театром. Гораздо интереснее было болтать ногами, смотреть в огромные окна или читать висевшие под потолком лозунги, которых здесь было ничуть не меньше, чем на первомайской демонстрации. Я и не заметила, как женщина в белом халате схватила мой недоеденный суп и куда-то понесла. Я бросилась за ней, но она так ловко передвигалась между столами, что совсем скоро я потеряла ее из виду, а потом... Или нет, постойте, это было потом.

А до этого было вот что. Мама заглянула в газету, которую читал сидевший рядом с ней пожилой дядька, и сразу расстроилась. Я это поняла по ее лицу. Такая, знаете, смесь страха, усталости и гнева. Я спросила ее об этом. И она тихо ответила, что один из ее друзей попал в беду. Я не удивилась. Тем летом не проходило недели, чтобы кто-то из ее

друзей не попадал в беду или не умирал. И каждый раз об этом писали газеты. Тогда меня это не удивляло, ведь я считала маму очень важным человеком. О ней и самой иногда писали в газетах. Но те статьи всегда ее веселили. Она их читала и смеялась. Но тем летом все было иначе... Я спросила, можно ли как-то помочь ее другу, попавшему в беду. Она покачала головой. «И даже папа не может?» — не унималась я. И тут мама заплакала. А я очень испугалась. И она это поняла, потому что тоже испугалась. *(Пауза.)* Я думаю... нет, я почти уверена... что когда она оставила нас с братом сторожить чемоданы — она ушла, чтобы мы не видели ее слез. Она поняла, что отец нас не встретит. И очень испугалась.

Появляется МАТЬ, а с ней МУЖЧИНА в овчинном тулупе. Это ЯМЩИК.

ЯМЩИК. Кулдагы акча.

МАТЬ. Вот — сколько есть. Сто рублей хватит? *(ДЕВОЧКЕ.)* Отец не прислал за нами лошадей, поэтому мы поедem к нему сами. Он, видимо, не знает, что мы уже приехали. *(Преувеличенно бодрым тоном.)* То-то он удивится и обрадуется!

МАТЬ достает деньги, отдает ЯМЩИКУ.

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. Мы подъедем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дома, то мы чемоданы спрячем, а сами залезем под кровать. Вот он приходит. Сел.

Задумался. А мы молчим, молчим, да вдруг как завоем!

МАТЬ. Я под кровать не полезу. И выть не буду тоже. Лезьте и войте сами...

ЯМЩИК снимает с себя овечий тулуп, кладет на пол, ставит по краям тулупа табурет (спереди) и чемоданы (сзади), а потом жестами предлагает садиться. МАТЬ и ДЕВОЧКА усаживаются сзади, ЯМЩИК впереди. Он щелкает воображаемым хлыстом. Слышно лошадиное ржание и звук ямщицкого колокольчика. Поехали!

ЯМЩИК *(показывая вокруг)*. Тайга.

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. Раньше, когда мы жили в Москве, мне представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов. Теперь же мне казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

ЯМЩИК *(соглашаясь)*. Биек урман.

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. Ой, мам, смотри — заяц побежал.

ЯМЩИК *(показывая на зайца)*. Аккуян.

ДЕВОЧКА *(Кукле)*. Минька, глянь, а вон еще один! Да не туда смотришь!

ЯМЩИК. Безнең урманнарда куяннар шактый күп.

ДЕВОЧКА. Вот бы их догнать, а?!

ЯМЩИК. Ике көймәнең койрыгын тотә алмасың. *(Жестами «иллюстрирует» пословицу: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь».)*

ДЕВОЧКА. А волки здесь водятся?

ЯМЩИК. Бүредән курыккан урманга бармас. *(«Волков бояться — в лес не ходить».)*

ДЕВОЧКА. А медведи?

ЯМЩИК *(смеется)*. Колагына аю баскан. *(«Медведь на ухо наступил».)*

(Поет.)

Сары, сары сап-сары!

Сары чечек, саплары!

Сагынырсын, саргаирсын,
кильсе сугыш, чеклары.

ДЕВОЧКА. Мама, а что он поет?

МАТЬ. Не знаю. Какая-то народная песня.

ДЕВОЧКА. Наша?

МАТЬ. Нет. Мы не народ. Народ — это всегда кто-то другой, а не мы.

ДЕВОЧКА (*напевает*).

Вы желты, желты, желты
не от горя ли, цветы?

Помертвеешь, пожелтеешь

от войны, от маеты.

ЯМЩИК. Тор-р-р!!! (*Натягивает воображаемые поводья, звук колокольчика смолкает.*)

ЯМЩИК жестами показывает, что поездка окончена. МАТЬ и ДЕВОЧКА встают.

ЯМЩИК снимает их чемоданы со своего тулупа.

МАТЬ (*оглядываясь*). Я ничего не понимаю. Куда ты нас привез? Здесь же никого нет. И тишина, как на кладбище!

ЯМЩИК (*разводя руками*). Олылар китге, балалар өйдө калды.

МАТЬ. Что? Я ничего не понимаю. Где мы?

ЯМЩИК вытягивает перед собой руку в рукавице.

МАТЬ. Что? Что ты мне показываешь? Еще денег, что ли, хочешь?

ДЕВОЧКА подходит к ЯМЩИКУ, снимает рукавицу. Он показывает три пальца.

ДЕВОЧКА. Он показывает «три».

ЯМЩИК (*кивая головой*). Өч. (*Показывает рукой вперед.*)

МАТЬ и ДЕВОЧКА смотрят туда, куда указал ЯМЩИК.

МАТЬ (*читает*). «Разведывательно-геологическая база номер три». Да, все правильно. Но где же люди? Даже собак не слышно.

МАТЬ поворачивается к ЯМЩИКУ, а он уже подхватил свой тулуп и поминай как звали.

МАТЬ. Подождите! Постойте! Останьтесь с нами! Я вам заплачу!

ЯМЩИК (*кричит*). Эллэ нигэ дэ! Эллэ нилэр бирсэ дэ!

МАТЬ. Что он сказал?

ДЕВОЧКА. Ни за какие деньги, говорит.

Молчание.

МАТЬ. Ну, все. Все. Мы пропали!.. Что я наделала?! Зачем? Зачем привезла вас сюда?! Нет! Все! Все! Хватит! Надоело! Я не деревянная!

МАТЬ составляет чемоданы вместе, достает из одного из них одеяло. Затем ложится на чемоданы и с головой укутывается одеялом.

ДЕВОЧКА. Мам, ну ты чего? Смотри: печка теплая, в печке горшок с чем-то вкусным. Значит, здесь недавно были люди.

МАТЬ. Не успокаивай меня, я и сама вижу, что людей здесь уже давно нет. Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

ДЕВОЧКА. Ты сердисься?

(МАТЬ что-то неразборчиво бормочет под одеялом.)

ДЕВОЧКА. Что ты сказала? Пожалуйста, вылезь.

МАТЬ. Нет. Я зла. Зла на себя, что я такая плохая мать. Зла на твоего отца, который исчез неизвестно куда. Зла на весь мир.

ДЕВОЧКА. И на нас?

МАТЬ. Нет. На вас я не злюсь. Вы ни в чем не виноваты. Вы не виноваты, что ваша глупая мать затащила вас в непролазную глушь, где нет ни одной живой души. Вы не виноваты, что у вас такая никудышная мать.

ДЕВОЧКА. Ты «кудышная»! Ты очень «кудышная»!

МАТЬ. Не утешай меня. Теперь, когда мы здесь, я жалею, что уехала из Москвы.

ДЕВОЧКА. Ну уж нет: здесь лучше всего на свете!

МАТЬ. Хуже всего на свете. И не спорь со мной, пожалуйста.

ДЕВОЧКА. Мам, вылезь. Или пусти нас к себе. Здесь конечно очень хорошо, но без тебя как-то страшно.

МАТЬ отворачивает край одеяла, ДЕВОЧКА и Кукла забираются под него.

Какое-то время слышен только вой ветра. Затем скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворчалось...

ДЕВОЧКА *(выглядывая из-под одеяла)*. Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго ехали к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем или острой саблей!

МАТЬ *(шепотом)*. Тише. Молчи.

Звук открывающейся двери.

МАТЬ и ДЕВОЧКА скрываются под одеялом.

Входит МУЖЧИНА. На нем ватник, за плечами ружье, а в руках меховая шапка-ушанка. Это СТОРОЖ.

СТОРОЖ *(обращаясь к шапке)*. Фу, Найда! Фу! *(Прячет руку с ушанкой за спину.)* Ну-ка! Кто здесь есть?! Покажись! А то как стрельну из ружья!

МАТЬ. Это мы, не надо в нас стрелять. *(Выглядывает из-под одеяла.)*

Молчание.

СТОРОЖ *(внезапно)*. Не, ну чо деется, а?! Вы гляньте на нее! Приехала и увалилась! Лежит она мне тут! В натуре! Приехала и лежит!

Из-под одеяла показывается ДЕВОЧКА с Куклой.

МАТЬ. Товарищ, вы кто такой? Вы сторож?

СТОРОЖ. Ой, чо ж это будет! Ой, чо будет!

МАТЬ. Товарищ!..

СТОРОЖ. Ой, не начинай даже! Не начинай! Ты дура, да? Дура? Отвечай!

МАТЬ. Да как вы со мной разговариваете?! Вы кто вообще?!

СТОРОЖ. Ей же русским языком, ей же черным по белому! Молнией! Пулей! Сам на телеграф возил, сам отправлял! А она?! А она — дура! Она приперлась, приехала из своей Москвы! Ой, чо будет!

МАТЬ встает.

МАТЬ. Я жена начальника геологической партии Серегина. А это его дети. Если нужно, то вот документы. *(Пытается найти документы.)*

СТОРОЖ. Вон они, документы твои: под одеялом сопят. Ой, чо деется! Как есть в отца — копия! *(Показывает на Куклу.)* Особо вот этот толстый.

МАТЬ. В таком случае, почему вы накинулись на меня? Почему сквернословите при детях?! *(Нервно шагает по комнате.)*

СТОРОЖ. О, о, о, смотри — ходит, ходит! Ходит она, понимаешь! Чо ты ходишь мне тут? Ты дома должна была сидеть! Тебе муж телеграмму дал, чтобы ты тут не ходила!

МАТЬ *(остановившись)*. Какую телеграмму?

СТАРУХА. О, о, о, дурочку включила! О! Глазками захлопала!

МАТЬ. Какую телеграмму?!

СТОРОЖ. А такую телеграмму. Русскую народную телеграмму. «Задержиесь выезжать две недели. ТЧК. Наша партия срочно выходит тайгу. ТЧК».

МАТЬ. Да не получали мы никакой телеграммы! *(Оборачивается к ДЕВОЧКЕ.)*

ДЕВОЧКА скрывается под одеялом.

МАТЬ. Дети, вы без меня никакой телеграммы не получали? *(Пауза.)* Отвечайте, мучители! Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне ее не отдали?

ДЕВОЧКА *(вытихая из-под одеяла Куклу)*. Это все он! Он твою телеграмму в окошко выкинул!

МАТЬ хватая Куклу, уходит. Слышны ее крики: «Вот где моя погибель! Вот кто сведет меня в могилу!» СТОРОЖ садится рядом с ДЕВОЧКОЙ, гладит шапку-ушанку.

СТОРОЖ. Тихо, Найда. Тихо. Лежать. *(ДЕВОЧКЕ.)* Она его бить, что ли, повела?

ДЕВОЧКА. Мама никогда не дерется.

СТОРОЖ. Зато я бы тебе всыпал.

ДЕВОЧКА. А я не виновата.

СТОРОЖ. Ты чо творишь-то по беспределу? Зачем кореша сдала? В натуре.

ДЕВОЧКА. Я правду сказала. Мама за вранье...

СТОРОЖ. В гробу и в белых тапочках я такую правду видел. Кореш — это святое!

ДЕВОЧКА. Он мне не кореш, а брат.

СТОРОЖ. А ты не сестра, а фуфло. Я бы с тобой в разведку не пошел.

ДЕВОЧКА. Ну и что. Все равно меня бы мама с вами никуда не отпустила.

СТОРОЖ. Ну и дура твоя мама.

Входит МАТЬ с Куклой.

МАТЬ. Кто дура?

СТОРОЖ. Ты, кто еще-то? Зачем ребенка раздетого в сени потащила? Застудишь!

МАТЬ. Так, всё, ложимся спать. Устала я от вас.

СТОРОЖ. Дак я...

МАТЬ. И без разговоров!

МАТЬ стелет одеяло на пол, разделяет его пополам чемоданами, предварительно достав фикус. Горшок с растением она ставит на чемоданы, тем самым очертив границу.

СТОРОЖ. Это еще зачем?

МАТЬ. Это чтобы у вас ночью глупых мыслей не возникло.

СТОРОЖ. Ой! Ой! Да больно надо!

СТОРОЖ снимает ватник, кладет его себе под голову.

СТОРОЖ. Найда! Ко мне! *(Берет шапку-ушанку и кладет рядом с собой.)*

МАТЬ. Собака в доме не останется.

СТОРОЖ. Вот ты!.. Приехала тут, в натуре! Порядки устанавливает! Что мне ее, на улицу выгнать? Она здесь привычная.

МАТЬ. Отвыкнет. Пусть спит в сенях.

СТОРОЖ. Пойдем, Найда! Злые люди гонят тебя на мороз. *(Уносит шапку.)*

МАТЬ. Не придумывайте! И гасите уже свет!

Гаснет свет. В темноте что-то грохочет.

МАТЬ *(ДЕВОЧКЕ)*. Не бойся милая. Это лопата. Если без спроса кто-то ночью войдет в дом, мы сразу услышим.

Возвращается СТОРОЖ, в руке у него горящая керосиновая лампа.

СТОРОЖ. Это ты лопату поставила? Взять бы да зарыть тебя в тайге этой лопатой!

ДЕВОЧКА. Мама!

МАТЬ. Не бойся, это он шутит. *(СТОРОЖУ.)* Не смейте пугать ребенка!

СТОРОЖ. Че ты мне выкаешь-то? Прикатила из своей Москвы и выкает она мне тут. В натуре.

СТОРОЖ ложится, лампу ставит между собой и МАТЕРЬЮ. Уменьшает пламя. Молчание. (Дальнейшая сцена играется шепотом.)

СТОРОЖ. С лопатой это ты хорошо придумала. Надо бы еще окна половиками завесить.

МАТЬ. Зачем? Зверь — не человек, он огня боится.

СТОРОЖ. Хыть, ты! Не врубаешься? Ну раскинь мозгами. Кто ж партию с зимовки сымает да в тайгу гонит?

МАТЬ. Кто?

СТОРОЖ. Не кто, а зачем?

МАТЬ. Хорошо — зачем?

СТОРОЖ. А затем, что побег был. Целая ватага с прииска утекла и золотишко с собой прихватила. Вот всех конвойных и бесконвойных на поимку и снарядили.

МАТЬ. Ты хочешь сказать, что?.. Они здесь где-то?

СТОРОЖ. А то! Они ж тупые, не знают дороги! Они ищут, ищут. Кружат! Ох, у них же нюх! Им щас до зарезу геологов надо найти, пока они друг дружку жрать не начали вместо консервов.

МАТЬ. Геологи-то им зачем?

СТОРОЖ. Вот ты балда! А припасы? А оружие? А карты?

МАТЬ. Какие карты?

СТОРОЖ. Ну не игральные же! Сечешь?

МАТЬ. Секу.

СТОРОЖ. Вот. А тут еще ты нарисовалась с двумя спиногрызами. Прикинь, если они на нашу базу выйдут?

МАТЬ. Так, хватит меня пугать.

МАТЬ разбирает баррикаду.

СТОРОЖ. Чо, не боишься меня теперь?

МАТЬ. Боюсь. Но тех в тайге еще больше боюсь. Я вообще теперь всего боюсь. С Гражданской так не боялась.

СТОРОЖ. С Гражданской? Дак тебе сколько лет-то?

МАТЬ. Сколько есть — все мои. Спи давай.

СТОРОЖ. Не, ну в натуре. Сколько?

МАТЬ. А тебе?

СТОРОЖ. Че ты стрелки переводишь? Отвечай давай.

МАТЬ. Тридцать три мне.

СТОРОЖ (*присвистнув*). Дак ты уж старая.

МАТЬ. Сейчас как дам по башке!

СТОРОЖ. Не, не, ну на погляд ты моложе.

МАТЬ. Самому-то тебе сколько?

СТОРОЖ. Мне двадцать два.

МАТЬ. Салага.

СТОРОЖ. Ты чо начинаешь-то?

МАТЬ. Ты первый начал.

СТОРОЖ. Не, ну я щас обидеться могу. В натуре.

МАТЬ. И обижайся.

Молчание.

СТОРОЖ. Ты слышь... Это... Я того... Утром уйду.

МАТЬ. Куда это ты собрался?

СТОРОЖ. Надо капканы проверить. Братва перед Новым годом свежатинки захочет.

МАТЬ. Никуда ты не пойдешь.

СТОРОЖ. Ты не командуй. У меня муж твой командир, а ты здесь никто. Поняла? Сказал «уйду» — значит, уйду. И ничо ты со мной не сделаешь.

МАТЬ. И ты нас просто бросишь?

СТОРОЖ. Да никто тебя бросит, чо ты кипишишь?! Продукты есть, по воду будешь на родник ходить. Он недалече тут, за пригорком. И еще я тебе второе ружье оставлю. Да не бойсь, наши скоро вернуться! *(Гасит свет.)*

ГОЛОС ДЕВУШКИ. Утром, еще на заре, пока все спали, сторож захватил с собой мешок, ружье, собаку, стал на лыжи и ушел в лес.

Слышен звук упавшей лопаты и глухие ругательства СТОРОЖА.

Когда зажигается свет, СТОРОЖА и его «собаки» уже нет.

МАТЬ сидит рядом с раскрытым чемоданом, натягивает извлеченные оттуда валенки.

МАТЬ. Хорошо, что проснулась. Я пойду за водой, останешься с братом.

ДЕВУШКА-ДЕВОЧКА. Не останусь я с ним, больно надо. Он опять в свою книжку уткнется, а потом начнет местные материалы собирать, чтоб дом свой дурацкий строить. А я девочка, я с тобой хочу.

МАТЬ. Ну мало ли чего ты хочешь.

ДЕВОЧКА. Тогда ты сама с ним оставайся, а я одна за водой пойду.

МАТЬ. Вот еще новости!

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. И вот тут я совершила вещь, которой не горжусь. То есть я и раньше совершала поступки, за которые мне потом было стыдно. Но это особый случай. Помните, я рассказывала, как мама водила нас обедать на Фабрику-кухню? *(Пауза.)*

Так вот я не все вам рассказала. Я там потерялась. Потерялась и очень испугала маму. Когда я побежала за теткой в белом халате, которая унесла мой недоеденный суп, обратную дорогу к нашему столу мне найти не удалось. И я ходила-ходила между столов, но все они были одинаковые. Затем мне показалось, что я вижу маму, вижу ее платье. Я бросилась к ней, но это оказалась какая-то совершенно чужая женщина. И вблизи ее платье совсем не напоминало мамино. Я хотела искать дальше, но побоялась, что окончательно потеряюсь, и тогда мама страшно разволнуется, а потом будет сердиться. И тогда я заплакала. Как я рыдала! Как рыдала! Взрослые вокруг сразу засуетились. «Товарищи! Чей ребенок?!» Они спрашивали меня о чем-то, но я могла только рыдать. И тут, наконец, появилась мама... Это было такое счастье и такой стыд! *(Пауза.)* Мне казалось, что тот позорный случай давно забыт, но Петька неожиданно сказал: «Нельзя ее одну отпускать, она опять потеряется». Я его чуть не убила в тот момент. А мама неожиданно засмеялась и разрешила мне пойти с ней.

МАТЬ. Одевайся быстрее, жду тебя на улице. Будешь копать — уйду одна. *(Уходит.)*

ДЕВУШКА. И вот пока я одевалась, то сказала Юрке... Небрежно так сказала, как бы между прочим... «А что, Степка, слабо тебе залезть в чемодан, а когда мы вернемся и станем тебя искать, то ты из чемодана страшно завоешь?» Потом, конечно, мы страшно удивимся и обрадуемся. И ты тоже удивишься и обрадуешься... Короче, полезай в чемодан, а мы мигом вернемся — ты и соскучиться не успеешь. *(Берет Куклу и кладет в чемодан.)* И когда этот олух радостно залез в чемодан, я замочки-то и защелкнула. *(Пауза.)* И побежала догонять маму.

ДЕВУШКА садится на чемодан.

Вот сейчас, когда я об этом вспоминаю, мне становится очень стыдно. Но в тот момент месть моя казалась мне крайне удачной и остроумной. Я знала, что долго он там не высидит, а выйти наружу ему будет ой как не просто. Вот пусть помучается, думала я.

Но вышло совсем по-другому. За водой мы ходили очень долго. Сперва не могли отыскать родник, потом на обратном пути к дому санки перевернулись, ведра опрокинулись, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что мама забыла на опушке у родника ружье, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да се, наступили сумерки.

Входит МАТЬ, за плечами у нее ружье. Она устало садится на второй чемодан.

ДЕВУШКА. Я все ждала, что братец к тому времени устанет сидеть в чемодане и будет рваться на волю. Но в доме была тишина. Зато когда мама поняла, что брата в сторожке нет, она почему-то сразу подумала самое плохое. И тишина закончилась.

МАТЬ вскакивает, вскидывает ружье.

МАТЬ. Запрись и никому не открывай. Слышишь?

ДЕВУШКА-ДЕВУШКА. Mam, ты куда?

МАТЬ. Запри дверь. Я иду за твоим братом.

МАТЬ уходит. ДЕВОЧКА бросается к чемодану, пытается открыть замки, но у нее ничего не получается. Слышен выстрел из ружья.

ДЕВОЧКА. Мама!

Затем второй выстрел — как бы в ответ первому.

Вбегает МАТЬ.

МАТЬ (ДЕВОЧКЕ.) На пол!

ДЕВОЧКА ложится на пол. МАТЬ сооружает из чемоданов баррикаду между собой и входом, кладет сверху ружье, готовая застрелить любого, кто войдет.

Вбегает СТОРОЖ с ружьем наперевес.

СТОРОЖ. Всех порешу, гниды! Отпустите бабу! Собаками затравлю!

МАТЬ поднимает из своего укрытия, бросается к СТОРОЖУ.

МАТЬ. Они были здесь. Они забрали его с собой!

СТОРОЖ. Кого забрали? Ты чо городишь?

МАТЬ. Сына! Моего сына! (Рыдает у него на плече.)

СТОРОЖ (ДЕВОЧКЕ). Кто здесь был?

ДЕВОЧКА. Никого. Он здесь... (Показывает на чемодан.) Мы играли...

СТОРОЖ бросается к чемодану, прикладом ружья бьет по защелкам. Достает Куклу.

СТОРОЖ. Я уж думал, убивают вас. Чуть в штаны не наложил от страха.

МАТЬ бросается к нему, хватая Куклу. Целует СТОРОЖА и ДЕВОЧКУ и Куклу.

СТОРОЖ (смуценно). От дура-баба! (Пауза.) Пляши давай. Ну?

МАТЬ непонимающе смотрит на СТОРОЖА.

СТОРОЖ. Да чо с тобой разговаривать. *(Достает конверт.)* Письмо тебе, от мужа. Завтра утром будет дома.

МАТЬ. Так ты?..

СТОРОЖ. Ну а чо? Бешеной собаке семь верст не крюк. *(Шапке-ушанке.)* Правда, Найда? Скатался ради такого дела к ущелью Алкараш. Чо не скататься-то...

МАТЬ читает письмо. Потом подходит и еще раз целует СТОРОЖА.

СТОРОЖ. Ну стопари уже, достала! Всю личность мне обслюнявила. *(Вытирает лицо шапкой-ушанкой.)* И давайте уже это... к празднику готовиться... а то жрать охота.

МАТЬ. Я и забыла! Завтра тридцать первое декабря!

СТОРОЖ. В натуре.

МАТЬ подбегает к чемоданам, открывает их. Из одного достает патефон, заводит. Звучит музыка.

Начинается подготовка к празднику. МАТЬ достает из чемоданов разные наряды, украшения. Наряжает ДЕВОЧКУ. Та наряжает Куклу. МАТЬ достает из чемодана шлем летчика и надевает его на СТОРОЖА.

МАТЬ. Чкалов! Молоков! Владимир Коккинаки!..

СТОРОЖ. В натуре!

СТОРОЖ отмахивается от нее, но постепенно и он начинает принимать участие во всеобщем веселье. В финале МАТЬ украшает фикус своими бусами и сережками. Все трое выстраиваются в линию, готовые к празднику.

СТОРОЖ *(показывая вперед)*. Теперь смотрите. Вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правей большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда все будут дома. *(Уходит.)*

ДЕВОЧКА-ДЕВУШКА. Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с груженными санями, а за нею следом пронеслись быстроходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы. Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу. Потом послышался лай собак, шум, скрип, крики.

Слышится лай собак, шум, скрип, крики.

МАТЬ и ДЕВУШКА машут руками, кричат.

ДЕВУШКА. Вот! Вот сейчас мы увидим отца! Вот-вот! Еще чуть-чуть! Вот...

Сзади к ним подходит МУЖЧИНА. На нем форма сотрудника НКВД. В руке он держит пистолет. МАТЬ и ДЕВУШКА замирают.

ДЕВУШКА. Все дело в том, что в тот день мы нашли телеграмму. Коробочка, в которую я положила ее для сохранности, упала прямо под окна квартиры. Она не пропала в сугробе и

ее не поднял и не унес прохожий. Вечером мы отдали телеграмму маме. Отец просил ее задержаться на две недели. И мы остались в Москве. Вскоре после спектакля, в котором мама играла вместе с другими женщинами, за ней пришли. Через месяц ее расстреляли вместе с остальными актерами их театра. Отца я тоже никогда больше не видела. В детприемнике, куда нас с братом отправили после ареста мамы, нам дали другие имена и фамилии. И я не знаю, как его зовут сейчас. Где он — я тоже не знаю. И не знаю, смог ли он построить дом из местных материалов. Надеюсь, что смог. Очень на это надеюсь...
Очень.

Темнота.

Конец.

(с) omihajlov@mail.ru